

№

АНТРАКТЪ.

14.

Антрактъ выводитъ въселедственно, по воскресеньямъ. Цена годовому изданію (50 №№), съ доставкой на домъ, въ Москву — 2 руб. сер.; по почте годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три года — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя или на цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иностранцевъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.) (кроме подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца). Подписка принимается ежедневно съ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (Им. Им. Свѣтлова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Оллова Давыдова, а по времени спектаклей и въ вышней лавкѣ, въ Волковомъ театрѣ.

Содержаніе: «Пучина». — Курьезы, замѣтки и вопросы (Диковлянка. Цысьма темныхъ людей). — Смѣсь.

«П У Ч И Н А».

Высота ль, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море,
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты дивпровекіе.

Эта заставка царской пѣсни могла бы олужить хорошимъ эпиграфомъ для всѣхъ послѣднихъ произведеній Островскаго. Чѣмъ труднѣе задачи, за которыя берется онъ въ своихъ пѣсахъ послѣднихъ времени, тѣмъ все менѣе и менѣе способнымъ и состоятельнымъ рѣшителемъ ихъ является онъ. Чѣмъ сильнѣе и шире авторскій размахъ, тѣмъ неудержимѣе и быстрѣ паденіе пѣсы. Замѣчательно, на сколько желаніи г. Островскаго въ послѣднее время оказываются обратно пропорціональными приведенію этихъ желаній въ исполненіе. Видно, что хотѣть дать онъ въ каждой изъ своихъ пѣсѣ какъ можно больше и даетъ первообразно мало. Вовсе почти отрѣшившись отъ той простоты отношенія къ жизненнымъ явленіямъ, которой неуклонно держался онъ въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ и котораго, сказать кстати, нерѣдко, выражаемъ, доводила его до многихъ крайностей, онъ въ послѣднее время сталъ смотрѣть на эти явленія свѣска, заносчива и ищетъ связи пѣсы, говоря языкомъ «Слова о Иблукъ Игоревѣ», — не по бытиямъ сего времени, а по замышленію Волгу, носится мыслию выше облака хоячаго. Потому-то, можетъ быть, публика и не въ состояніи досягнуть до него; потому-то, быть можетъ, она и не уразумѣваетъ всей глубины его послѣднихъ произведеній, такъ что къ ней, къ этой публикѣ г. Островскій давно уже имѣетъ полное право обратилъ съ упрекомъ, вырвавшимся изъ устъ енагельскихъ дѣтей, котораго, спѣя на торжачѣ съ другими сверстниками, говорили имъ: *мы вадъ караги на свирли — и вы не писали, мы вадъ вли тивальныя пѣсы — и вы не ридали* (Мого. XI, 15—17). Берега дѣйствительной жизни наконецъ показались узкими для г. Островскаго, какъ этого и слѣдовало рано или поздно ожидать, и стѣснило узкимъ русломъ обыкновенной рѣки, онъ захотѣлъ выплыть на безбрежное раздолье, въ океанъ-море. Слова нѣтъ, большому кораблю подобаешь, по словицѣ, и большое плаванье; но да не забываютъ г. Островскій и словъ Шекспира, который устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ одной своей драмы (*Димбемиз*) говоритъ, что океанъ порождаетъ чудовищъ и

вкусныя рыбы водятся чаще въ маленькихъ рѣчкахъ. Къ тому же, на несчастье г. Островскаго, почти каждой изъ его послѣднихъ пѣсѣ слишкомъ задолго, слишкомъ нарѣе является пречтеами слухи о томъ, что пѣсы эти никуда. Такъ, долгое и сильное ожиданіе *Снопа Волги* вовсе не нашло себѣ соответствующаго удовлетворенія; такъ и теперь оить всѣ слухи о *Пучинѣ* разрѣшились въ жалкое ничто. Изъ пучившейся горы оить выбѣжать смѣшной мытникъ.

Въ новой пѣсѣ своей авторъ заданъ на тысячу ладовъ перевертывавшейся темой; въ ней доказываетъ онъ почему-то показавшуюся ему новую мысль о томъ, что среда часто забдаетъ людей (явлено даже какъ-то становится выражать на бумагѣ эту *новенькую* истину), что въ духотѣ человекъ задыхается. Съ этою цѣлю онъ раскрываетъ одинъ изъ глубокихъ омутовъ московскихъ, *пучину* и опускаетъ въ нее нарочно для такого эксперимента приносившую жертву. Пресловутая и всеоглощающая пучина эта, по пѣсѣ г. Островскаго, есть нечто иное, какъ благословенная купеческая семейка, взятая въкупѣ съ немногими присными ей.

Посмотримъ же, что за люди эти *пучиниты*. Корка-лѣтній отецъ семейства, купецъ Бороводъ — суровый родитель, не дающій потачки тестю, продувной торгашъ и плуть-человѣкъ, не останавливающийся ни передъ какими средствами. Клапемся ему: лицо знакомое, — личность составленная изъ обрывковъ и клочковъ Гордѣя Торцова (*Видность не порокъ*), и Квасова (*Купецъ-Лабазникъ*). Дарья Ивановна жена его — купчиха мужебоязливая, дочерялюбивая, до важныхъ разговоровъ охотливая. Нашъ поклонъ и ей: лпчпость тоже знаемая и переизвѣстная; умъ и попятія ея взяты авторомъ на прокатъ у купчихи Врусковой (*Важные дни*), по положенію въ семьѣ — она совершенно подобие двумъ другимъ, не менѣе достопочтеннымъ купчихамъ — Волшовой (*Свои люди — сочтемся*), Торцовою (*Видность не порокъ*), да, пожалуй, и лабазницѣ Квасовой. Глафра Пудовна — дѣвица безъ страха и упрека, вышивающая голубиковъ, до *самоі* страсти плюбляющаяся въ какого-то козковника и принимающая за насмѣшку вопросъ о томъ, чѣмъ она занимается; супружница она строга, мужу свуска не дающая, родительница нѣжна — не оставляющая чадъ своихъ въ внимательными пинками. Придурью, слишкомъ *вѣду* и *манно* авторомъ, эта Глафра Пудовна — выигралъ Олимпіада Самсоновна Иохалозинна, урожденная Больбуона (даже и *влюбли* періодъ стовичъ *пукетовъ* и *каждомое* послѣдней),

бранчивостью и задором она вся въ сѣсаршу Пошлякину (*Ревизоръ*), наконецъ по добродушью, благоговорному вліянію на мужа она — разбѣненпал на мѣдые ястертые гроши Поляна (*Домодное искусство*). И ей поэтому клапиемся мы. Черяярковъ — человекъ, прензбыточествующій мудростью собственнаго надѣлія и всезнайствомъ, некушениннй въ обдѣлываніи темныхъ дѣляшекъ и въ этомъ съ ногъ до головы уподобляющійся дѣвиду и сводчику, господину Мудрому (*Тяжелые дни*), а способностью доходить до всего своимъ умомъ спльно позанимствовавшійся у Аммоса Фелоровича Лявкина-Тликина (*Ревизоръ*), какъ и выщепазванный г. Мудровъ. Поклонъ пашъ и г. Черяяркову, какъ старому знакомцу. Турунтаевъ — лицо съ рѣчами, по белъ лица, а потому, очень можетъ быть, и новое; но авишъ онъ — *вовинный, въ отставкѣ*; по рѣчамъ — *весъ*, что угодно. Вотъ и всѣ пучинники.

Прежде, чѣмъ перейти къ жертвѣ, обреченной авторомъ на погибель въ этой пучинѣ, не оставимъ безъ вниманія еще трехъ дѣствующихъ лицъ пѣсы. На крутыхъ окраинахъ своей пучиныг. Островскій насадилъ, такъ сказать, князь сельный, который цвѣтетъ у него надъ миазмами п зловредными паразитами, выходящими изъ пучины. Что же это за цвѣтъ? Во первыхъ, Анна Устиновна, мать Кисельникова — старушка привиженная, жалостливая и сердобольная, а потому только и занимающаяся стопами, оханьемъ, да покачиваньемъ головы; словомъ, столько же дѣла дѣлающая старушка, какъ в престарѣлая матушка чиновника Балзамнова п тысячи другихъ, въ разное время п во многомъ множествѣ являвшихся на нашей сценѣ чадолюбивыхъ матерей атого рода. Стало быть, Анна Устиновна — личность, съ которой тоже можно расклапаться. Лиза — выдумка, можетъ быть, и хитрая, и причудливая, но едва-ли правдоподобная. Дѣвочка Лиза 2-й картины, которал выросла въ бѣдности п которую учили гопорять отцу въ глаза: *паша дуракъ*, могла выйти дурною, безправственнойю, глупою дѣвушкою; но ип въ какомъ случаѣ не могла сдѣлаться бѣлоручкой, причудливцей и прихотливцей. Видя вокругъ себя одну только трудовую жизнь отца п бабушки, откуда могла Лиза 4-й картины выработать въ себѣ это отвращеніе отъ труда, которое даетъ чувствовать себя п каждомъ шагу? Работа ей *противна, несладка*, работать ей *невесело*, она боится, что *работа ей надоесть, опостылитъ*? Напвность Лизы доходитъ почти до отвратительнаго и во великомъ случаѣ больше, чѣмъ до глупости. Эта взрослая пресерьезно енрашивается совершенно незнакомаго ей человека, *былъ ли когда нибудь младъ отецъ ея*; она не знаетъ, *что ни свѣтъ хорошо*, а что *дурно*; что продать себя — *очень дурно* заключаетъ, она только потому, что *объ этомъ и не говорить* съ посторонними людьми я т. п. Наконецъ желанія ея до крайности сбивчивы п противорѣчивы, такъ что едва ли сама она знаетъ, чего ей хочется. Она *не хочетъ ридиться*, а развѣ желать, чтобы платъ на ней было *ново*, по ней *сшито* — не значитъ желать ридиться, да еще какъ ридиться-то? Легко сказать: *ходить всегда въ новыахъ платъяхъ!* Наконецъ, именно только простое п пустое желанье Лизы *ридиться* очень ясно сказывается п словахъ ея: *мнѣ хочется*,

чтобы и люди видѣли, что я хорошенкая. Погуляевъ — *кончившій курсъ студентъ*; былъ онъ въ удпверситетѣ: и вынесъ отгула нежеланіе служить п конфузливостъ: *я самъ всегда кончилъ курсъ* — говоритъ онъ о себѣ; побывалъ онъ за границей п вынесъ оттуда убѣжденіе, что *тамъ нитъ ни сытываютъ рыкъ, ни иисельникъ береговъ, ни птицы Остеркъ*; добродушенъ онъ до умпаепія: отдастъ товарищу послѣднюю мелкую монету п женится изъ благоудьянія на первой встрѣчной, какою яплется для него Лиза. Другихъ челоѣческихъ чертъ въ лицѣ Погуляева изъ пѣсы не усматривается.

Но всѣ лица, о которыхъ до сихъ поръ говорили мы, ип пѣсѣ болѣе или менѣе проходимцы; участіе ихъ самое побочное, они иявляются только почти на смѣпу другъ другу; болпшей части изъ ихъ едва-едва достаетъ ва двѣ картины. За то безсмѣнно фигурируетъ въ пѣсѣ герой ея, многострадальшій Кисельняковъ. Что же это за личность? Въ пѣсѣ онъ идетъ за человекъ, а для пашъ еще вопросъ: человекъ ли онъ? Мать называетъ его *цѣтливою душою*, а пашъ хочется спросить: *есть ли въ намъ хотя какая нибудь душа?* Былъ Кисельняковъ въ университетѣ, но курса иъ немъ не кончилъ, потому что *ему некогда было; впрочемъ, по собственному признанію, онъ занимается, много занимается*. Чѣмъ же занимается г. Кисельняковъ? *Онъ весь отдается природѣ и стихии природы отъ скрутки, выводитъ не дурно*. Дѣствуетъ этотъ придуманный человекъ вовсе таки не почеловѣчески. Онъ *машинально* женится, *машинально* дѣлается отцомъ семейства, *машинально* позволяетъ обокрасть себя, *машинально* выносптъ ислъ оплеванія п заушепія, *машинально* считаетъ ирпнесенныя ему въ подкупъ деньги, *машинально* пачкаетъ п подсабливаетъ дѣловой документъ, наконецъ *машинально* сходитъ съ ума, котораго у него до помѣшательства вовсе и не оказывалось. Стыдъ п совѣсть у Кисельнякова тоже свои, особенныя п едва ли челоѣческіе: изъ нежеланія *сражаться* передъ тестемъ и не оставить его безъ рома онъ выпинаетъ послѣднія деньги изъ кармана своего пріятеля. По челоѣчески ли, во крайней мѣрѣ, бьетъ сердце Кисельнякова? Есть ли въ этомъ сердцѣ мѣсто для самаго челоѣчѣйшаго чувства, для любви? Спросите ли онъ платитъ тотъ долгъ, который *каждое существо обязано заплатить природѣ, онъ ангелъ задо животнаго* («Робкій царедворецъ» комедіи Гирзо де Молина)? Чуть ли на всѣ эти вопросы не приходится отвѣчать отрицательно. Кисельняковъ не любилъ п не любитъ жены, на которой жеппелъ только потому, что *зупствоваль родъ репетяловскаго педуга къ мнимальнымъ людямъ*, которыми была окружена она; онъ самъ сознается, что *ему нравится въ семействѣ тестя патриархальность*. Вотъ почему выше мы сказали, что онъ и женится *машинально*. Дѣтей Кисельняковъ вовсе не любитъ. *Убери дѣль-то* — говорятъ онъ пъ самомъ началѣ 2-й картины — *что она идишь толчется! нитъ у нихъ дптской, что-ли? Ужъ и такъ всъ дни прожужжало.* — Дочерью своею онъ торгуетъ. Любовь Кисельнякова къ матери также не сказывается ип однимъ словомъ; онъ только п дѣлаетъ, что поминутно навязываетъ ей свое горе. Нуждается ли Кисельняковъ въ

пищѣ — мы не знаемъ; но изъ піэсы намъ достоверно извѣстно, что сна онъ не имѣетъ, такъ какъ, днемъ отираетъ службу въ присутственномъ мѣстѣ, а остальное время и *это* ночь занимается перепиской бумагъ. Вотъ какимъ является въ піэсѣ Кисельниковъ. Что же онъ такое? Все, что хотете: рыба, штипа-сирель, тряпка и всего менѣе человекъ. Кисельниковъ — это какал-то сидно разсыропленнаго квоптъ-эсесциѣ изъ Вальзампнова и Жадова. Кстати, не можемъ не замѣтить, что у г. Островскаго оказывается пошый пріемъ, замѣстованный имъ отъ добраго стараго времени, характеризовать дѣйствующихъ лицъ своихъ піэсъ, для пущей испости, самыми фамиліями ихъ. Безлпчный и скорѣе дѣйствительно похожій на кисель, чѣмъ на человека, герой піэсы названъ поэтому *Кисельниковымъ*. Пріятель его, гуляющій всю жизнь и совѣтующій гулять другимъ (*загуляй лучше* — говорятъ онъ Кисельникову) носитъ фамилію *Погуллевъ*. Купеческая семья, не далеко отошедшая образомъ жизни своей отъ образа жизни животныхъ, въ мясѣ которыхъ отыскиваются теперь стрихины, носитъ прозваніе *Боровцовыхъ* и т. д. — Теперь посмотримъ, какъ совершается самый процессъ погруженія диконпинаго Кисельникова въ *пучину*. Въ первой картинѣ пучина еще только раскрывается и Кисельниковъ стоитъ на краю ея. Вѣрныхъ три четверти этой картины занито пустопорожнимъ словоговореніемъ о томъ, вездѣ ли солнце на западъ садится, что ночью малы пшешкѣ слѣдуетъ на субботамъ, чѣмъ *льщяя служба супротивъ морской много легче, о галубкахъ, фантаскѣ* и т. п. Въ концѣ картины Погуллеву безуспѣшно пыгается отвести товарища отъ края пучины. Во второй картинѣ Кисельниковъ съ головою погрузился въ пучину; его ругаетъ жена, ругаетъ теща, ругаетъ родная дочь, ругаетъ даже кухарка Аксенья. Для того, чтобы дать возможность Погуллеву сказать: *вошь, тебѣ и душа съ душою*, авторъ заставляетъ пучинниковъ опачада похвастаться, что *у нихъ про лежеду собой инжностъ встѣ*, а потомъ сейчасъ же изъ за пустяковъ въ пухъ и прахъ разругается. Вотъ мы кричимъ, что Мольеръ устарѣлъ, а сами штъ, нѣтъ, да и пощиваемъ его. Кладомскъ вамъ, Трпесотня и Вадусъ («Les femmes savantes», д. III, сц. 5). Отъ насъ, вашей манерой искусно всориться на сценѣ позанимались многіе и многіе изъ нашихъ театральныхъ героншъ и героншъ, отъ чадолюбивыхъ матушекъ въ водевилѣ *Вада отъ инжнати сирдца* до пучинниковъ г. Островскаго. Въ третьей картинѣ Боровцовъ заставляетъ Кисельникова отказаться отъ денежной претензіи и потомъ въ благодарности издѣвается надъ нимъ; невѣрбснннй заставляетъ Кисельникова злодировать и логамъ даже сейчасъ пашпаетъ издѣваться и грозить ему. Какою бы грицкою ни былъ Кисельниковъ, по это издѣваніе надъ нимъ людей, которыхъ онъ обизалъ своими промаками, не выходитъ себя ни въ чемъ ни малѣйшаго оправданія и ужъ черзчуръ отзывается подевилемъ. Въ пятой картинѣ сначала охаетъ и дуркитъ мать Кисельникова, потомъ прввередничаетъ его дочь, пока не находитъ по себѣ жениха, наконецъ самъ Кисельниковъ, потерявшій бѣдо бояна

ніе, въ силу психическаго чуда, приходитъ снова въ себя для того только, чтобы обозвать себя съ гестемъ мошенниками.

Вотъ что такое юван піэса г. Островскаго. Піэса ли это?

Иной читатель или зритель, прочитавъ или просмотрѣвъ *Пучину*, пожалуй, придетъ въ отчаяніе отъ того, что у насъ на Руси, при существованіи многихъ условій, благопріятствующихъ развитію и процвѣтанію пучины, всеоглащающихъ и страшныхъ, не находится вовсе людей, которые бы могли безвредно погружаться въ эти пучины и выскать въ нихъ съ собою и свѣтъ и чистый, освѣжающій воздухъ. Не даромъ же вѣдь, подумаетъ такой отчаявшійся зритель, не даромъ въ вономъ романѣ Виктора Гюго (*Les travailleurs de la mer*) у дьявола, рассылающаго сволхъ цословъ по всей землѣ и во всѣ страны, не достало посла для Россіи (кн. I, гл. 2). По дѣло то все въ томъ, какал пучина поглотила Кисельникова: та-ли. въ которую бросился онъ, т. е. почтенное общество Боровцовыхъ, или та пучина, которую Кисельниковъ носилъ въ самомъ себѣ? Могъ ли бы Кисельниковъ уцѣлѣть, сохраниться и быть человекомъ въ какой бы то ни было средѣ? Условіи полнаго разлюженія заключались въ немъ самомъ и, на оборотъ, какал среда не заразилась бы отъ его тлстворнаго дыханія? Кисельниковъ самъ завалтой в отъявленный пучинникъ, пучинникъ отъ ювостни; онъ будетъ почище каждаго отдѣльнаго лица изъ компаніи Боровцовыхъ. Также люди, какъ Кисельниковъ, опускался на дно той или другой пучины, разумелся, должны только еще болѣе бурвить собою это дно и не столько пучины страшны имъ, сколько они страшны пучинамъ.

Все высказанное нами приводитъ насъ къ заключенію, что глубина *Пучины* г. Островскаго равняется глубинѣ самой мелкой тарелки и что его не оставляетъ желаніе толонься на одномъ и томъ же мѣстѣ, желаніе, которому тѣмъ болѣе удивляешься, чѣмъ болѣе вѣриши въ талантъ этого писателя.

Легче — говорятъ Князтиланъ — *сидитъ бѣлье, нежели тотже самое* (*Facilius est plus facere, quam idem.* — *De institut. orat. X, II*). Не будь подъ *Пучиною* подписано имя Островскаго, мы бы не стали и распространяться о ней, а принявъ ее за црриздвдніе Вечесловыхъ, Соловьевыхъ, или когда либо еще изъ этой братіи, сказали бы евангелскимъ словами: *По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Собираютъ ли съ терновника виноградъ или съ репейника слоновѣ?* Но въ томъ то и дѣло, что по отношенію къ г. Островскому и мы, какъ в пса публика, находимся все еще въ положеніи матери Захарія Варнера, которая часто осматривала голову своего сына, думая пайдти лучшъ вокругъ нея. Нѣтъ ли сходства между послѣднимъ піэсамъ Островскаго и тѣмъ зубамъ, цѣлшй Чубикъ которыхъ хранитѣся въ кувсткамерѣ только по тому, что они были выдернуты собственноручно Петромъ Великимъ (см. Кабинетъ Петра Великаго, изд. Осипа Бѣляева. Спб. 1800 Отд. I, стр. 201)? Не потому ли только мы и смотримъ эти піэсы в съ болѣе шмъ вниманіемъ олюнсима къ нимъ, что онѣ вышли изъ подъ пера Островскаго? Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не ска-

зять объ этихъ его пѣсахъ словамъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ его *Пучина*: эти представления слотрпты ужь очень жалостно; такъ что ужь даже черещуръ.

Касаясь исполненія, мы можемъ только замѣтить, что оно не представило ничего особеннаго, такъ какъ большей части исполнителей, участвовавшихъ въ другихъ пѣсахъ Островскаго, пришлось переигрывать ихъ старья роли. Г-жа Васильева 2-я, съ своей жесткой до аллюватости игрой, съ рѣкимъ, непритнымъ говоромъ, была почти невыносима въ роли Глафиры Пудовпы, особенно во второй картинѣ (въ первой она мало говорила). Г. Никитовъ изъ *отставнаго военнаго* сдѣлалъ какого-то приказнаго. Въ послѣдней г. Шумскаго Кисельниковъ, оглуилъ до послѣдней крайности, до кретицизма; мы видѣли передъ собою въ трехъ первыхъ картинахъ какого-то взрослоа младенца. Помѣшанный Кисельниковъ гораздо болѣе удался артисту и былъ гораздо умнѣе Кисельникова, не потерявшаго разсудокъ. Парикъ, который былъ на г. Шумскомъ, очень старообразилъ его и въ первой картинѣ Кисельниковъ вовсе не былъ у него *розовыиъ* и *весельиъ*, какимъ долженъ быть онъ по пѣсѣ. Вообще, признаемся, мы очень удивились, увидавъ на афишѣ противъ Кисельникова имя г. Шумскаго. Зная тактъ и разборчивость его, мы не могли понять, какъ не понимаемъ и теперь, что хотѣлъ сдѣлать онъ изъ этой неблагодарнѣйшей и безличнѣйшей роли, за которой между тѣмъ держится вся пѣса. Постановка пѣсы самая рутинная; во 2-й картинѣ, навр., Кисельниковъ съ Ногулевымъ, разговаривали, сиди на стульяхъ посреди комнаты; письменный столъ въ 3-й картинѣ стоялъ тоже посреди комнаты и при томъ такъ, что пишущій на немъ Кисельниковъ сидѣлъ спиной къ окну и—будь дѣйствиѣ диемъ— не могъ бы писать.—Эти и подобныя промахи тѣмъ болѣе удивили насъ, что однимъ изъ бенефициантовъ былъ помощникъ режиссера, г. Черневскій. Успѣха пѣса не имѣла, хотя автора, какъ это у насъ вошло въ обычай, и вызывали. Вызовы эти были, впрочемъ, очень не дружны и апплодисменты перемеживались съ шканьемъ.

По странному случаю *Пучина*, пришлось повториться 11-го Апрѣля. Вотъ какъ и чѣмъ отразивалась у насъ въ нынѣшнемъ году 302-й годовщина для рожденія Шекспира! А между тѣмъ день рожденія Вилкельмана, основателя классической археологич, 9-го декабря, празднуется всѣми археологическими обществами. Почему бы этому прекрасному примѣру не послѣдовать, по отношенію къ Шекспору, всѣмъ сценамъ міра и всѣмъ драматическимъ обществамъ?

КУРЬЕЗЫ, ЗАМѢТКИ И ВОПРОСЫ.

Диковинка.

Какихъ диковинокъ не производятъ сцена!
Простая лужа тамъ *пушиной* пазлана
И тонуть люди въ ней; а между тѣмъ она
Едва-ль и воробью придется по колѣна.

W.

Письма темныхъ людей.

Давно-ли, кажется, отирали мы къ вамъ, г. редакторъ, первую серію нашихъ вопросовъ и недоумѣній; а вотъ ихъ ужь опять не мало накопилось у насъ и мы опять препровождаемъ ихъ къ вамъ, потому что опять рѣшительно изнемогаемъ подъ ихъ бременемъ. И намъ ли, скуднымъ мыслію и знаніями, размысливать и приподывать такъ и эдакъ надъ возстающими передъ нами вопросами среднѣго живнннаго гвалта и треска, отъ которыхъ никакая хлѣбчатая бумага не можетъ спасти умъ современнаго человека; такъ и вертится на умѣ сугубо-картинное четверостишіе Ваенлія Кирилловича Тредьяковскаго:

«Съ одной страны громъ,
«Съ другой страны громъ,
«Смутно въ воздухѣ
«Ужасно въ ухѣ!»

Въ ухѣ дѣйствительно ужасно. А между тѣмъ мы, и оглушенные, и изнемогающіе, не перестаемъ, въ силу дурной привычки, слоаяться по огородамъ родной нашей російской словесности, число которыхъ недавно приумножилось еще однимъ. Новый огорокъ этотъ не мѣше другихъ обилея растительностью, не мало произрастилъ уже и еще болѣе обильнаетъ въ будущемъ любопытныхъ овощей для удовлетворенія нашего овощелюбія. Огородъ этотъ—фельетонъ Московской Газеты, съ грядъ котораго мы также потщились снять нѣсколько пропарастеній, какъ это вы и увидите нѣсколько ниже.

— Зачѣмъ участвующихъ въ концертахъ, поющихъ или играющихъ на какомъ нибудь инструмѣнтѣ дамъ неизбежно *выводить* на сцену или на эстраду мужичиы? Развѣ онѣ не могутъ выходить сама? Или можетъ быть, онѣ не знаютъ куда, какъ идти и гдѣ стать? Такъ почему же всего этого не покажутъ имъ до концерта, на репетиціяхъ? Или есть законъ, запрещающій дамамъ выходить однимъ на концертную эстраду и заставляющій ихъ нуждаться въ смѣльныхъ выводахъ и проводахъ? Если такой законъ есть, то гдѣ, въ какой такой хорошей книгѣ онъ писанъ?

— Не задаясь ли Артистическій Кружокъ еще одною новою цѣлью: содѣйствовать развитію искусства хореографіи въ нашихъ провинціяхъ и не съ этою ли благодѣтельною цѣлью допустилъ онъ (см. объявл. въ 65 № Моск. Вѣд.) бесплатный входъ на бывшій 28 марта *семейный танцевальный вечеръ—приближеніиъ литературалъ и артистическаго*? Кстати, что значить слово: *семейный* по отношенію къ вечеру, опубликованному и доступному не для однихъ только членовъ? Не то ли ужь, что право танцовать на этомъ вечерѣ принадлежало только *членамъ семейства*? Не можете ли вы, или кто нибудь изъ бывшихъ на этомъ танцевальномъ вечерѣ сказать намъ, не усужившимся бытъ на немъ, какіе преимущества танцы и какъ исполняли *тризакіе литераторы и артисты*, кто изъ нихъ въ чемъ болѣе отличился и есть ли надежда, что черезъ нихъ танцевальное искусство процвѣтетъ и преусиѣетъ въ провинціи?

— Скажите, можно ли ходить, когда въ одной ступне толкаютъ въ шею, а съ другой ногу подставляютъ? Научите, какъ быть и чему вѣрить, когда въ однихъ и тѣхъ же Московскихъ Вѣдомостяхъ одинъ сотрудникъ этой газеты г. Н. П. (въ первыхъ №№ Совр. Лѣт. за нын. годъ), возноситъ г-жу Біанки на недосыгаемую высоту, мечетъ громами и молніями на дерзновенныхъ, которые, по слухамъ, не считали эту артистку необходимымъ для московской оперной труппы, и грозить, въ случаѣ устраниенія г-жи Біанки отъ сцены, окончательнымъ разрушеніемъ всей нашей оперы; а другой сотрудникъ той же газеты, почтеннѣйшій г. Пановскій, утверждаетъ, что г-жа Біанки даже не имѣетъ здѣсь никакого успѣха (Совр. Лѣт. № 8)? Такая устойчивость и необыкновенная прочность мнѣнія этой газеты и ея сотрудниковъ не напоминаютъ ли симптомы болѣзни, известной подъ именемъ плески св. Витта?

— Видѣлъ ли кто вѣбудь изъ бывшихъ въ концертѣ инвалидовъ то, чего, къ несчастію, вовсе не видѣлъ и не описалъ (Совр. Лѣт. № 8) г. Пановскій: *топну сильной, красивой молодежи—въ партеръ и оклиценацию русскую удали—въ верху залы.* Или, быть можетъ, это нечто изъ безчисленнаго множества поэтическихъ вольностей и фельетонныхъ триллеровъ, къ которымъ перѣдко любятъ прибѣгать и которыми большею частью злоупотребляетъ вдохновенный фельетонистъ?

— Видѣлъ-ли и слышалъ-ли кто вѣбудь въ томъ же инвалидномъ концертѣ г-жу Анненскую, которую видѣлъ и слышалъ тотъ-же г. Пановскій (Совр. Лѣт. № 8)? Не упомянулъ-ли объ ней рецензентъ только потому, что она ея стояла на афишѣ, и нельзя-ли отсюда вывести заключеніе, что шныряя концертнымъ рецензію пишутся не столько по самымъ концертамъ, сколько по афишамъ? Привыкли-ли участіе въ гимнѣ, исполняеомъ въ этомъ концертѣ, — г-жи Біанки, Оворе, г. Владиславлевъ, хотя г. Пановскій и говоритъ (тамъ же), что въ народномъ гимнѣ участвовали *все наличные оперные артисты?*

— Правда-ли, что мы съ вами не можемъ смотреть безъ смѣха на г. Радонежскаго, а на сколько точнее и проникновеннѣе въ своихъ словахъ тотъ-же г. Платоновъ, который говоритъ между прочимъ (Моск. Газ. №№ 12 и 13): она г. Радонежскаго послѣ его комическихъ пружговъ въ роли кардинала (въ Жидовкѣ) *никогда не можетъ смотреть безъ смѣха?*

— Не правда-ли, какой пріимчивый, должно быть, человекъ этотъ г. Платоновъ и какъ много хорошихъ словъ въ его статьѣ? Не вполнѣ-ли *хорошими* словами и выраженіями могутъ назваться слѣдующія: *восторженные рукописания* (столб. 4-й его фельетона), *восторженные изгнания* (столб. 6), *шумные англодиспантеры* (столб. 7), *опять восторженные рукописания* (столб. 7), *неописанный спиртъ* (столб. 8), *невообразимые пассажи и процитированные пассажи* (столб. 8) и т. д.? Отъ чего г. Платоновъ не испушитъ въ рядъ нашихъ драматурговъ и не дастъ намъ пріятной возможности во сценѣ слышать его *восторженные* рѣчи?

— Не вѣдуется-ли, для красоты языка и слога, не вѣмъ, пишущимъ для театра и о театрѣ,

бросить и забыть старое правило русскаго синтаксиса, по которому обстоятельствоныя предложенія сокращаются посредствомъ дѣйричастія *только* въ томъ случаѣ, когда подлежащее у нихъ одно съ главнымъ предложеніемъ? Не лучше ли, не благоразумнѣе ли поступать они, если послѣдуютъ примѣру г. Платонова, для котораго этого правила вовсе не существуетъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: 1) *говоря о какомъ нибудь рѣзко вопіющемъ фактѣ, у меня сорвется и злое и рѣзкое слово* (столб. 2-й), 2) *Получивъ приглашеніе... лишь прежде всего хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ...* (столб. 1-й), 3) *Имѣя возможность такъ сильно дѣйствовать на чувства каждаго, лишь кажется непопулярнымъ...* (столб. 8) и т. д.? Не заключается ли въ этихъ оригинальныхъ оборотахъ болѣе изидества в не ошибался ли старикъ Чомопосовъ, когда въ своей грамматикѣ (§ 532) говорилъ о фразахъ подобнаго рода, что *они весьма неправильно и досадно слуху, существующему Россійское сочиненіе?*

— Но вѣдуется ли преподавателямъ теоріи музыки въ пансіи будущей консерваторіи принять хоть и на лѣру, но принять близко къ сердцу слѣдующее новое и замѣчательное положеніе г. Платонова: *чтобы воспринять впечатлѣніе одного инструмента не надо быть музыкантомъ, достаточно даже и простаго неиспорченнаго вкуса* (не слуха-ли?); *для оценки же оркестровыхъ партій необходимо нужно хорошее знаніе музыки?* Не правда-ли, какъ это все просто и ясно? Отчего это только, скажите, намъ кажется, что *воспринять впечатлѣніе в оркестрѣ партій* — какъ будто вовсе не одно и тоже и что параллель между ними проводить не приходится по законамъ логики? Не нужно ли и для *оцѣнки партій*, написанныхъ для отдѣльныхъ инструментовъ, точно такъ же, какъ и для оцѣнки оркестровыхъ партій, — предположить въ оцѣнивателемъ хорошее знаніе музыки? Съ другой стороны, не довольно ли одного неиспорченнаго слуха для *воспріятія впечатлѣній* отъ исполненія нѣсы цѣлымъ оркестромъ, точно такъ же какъ этого довольно для воспріятія впечатлѣній отъ исполненія нѣсы однимъ инструментомъ? И не можно ли, а, стало быть, не легче ли воспринимается впечатлѣніе отъ исполненія цѣлымъ оркестромъ?

— Знаете-ли вы, что въ нашей отечественной литературѣ подвергаются передѣлкамъ не только иностраные поэты (какъ напримѣръ Шпллеръ *дополняется и исправляется* русскими переводчиками подъ редакціею г. Гербеля, Шекспиръ лишается своей удобопонимаемости въ переводахъ г. Кетчера и т. п.); но не оставляютъ въ покоѣ и русскіе поэты прежняго времени? Въ Антрактѣ недавно было обтѣвлено, что на нашей сценѣ ожидается представленіе пушкинскаго Бориса Годунова; отъ чего же вы не добавили къ этому, что Борисъ Годуновъ Пушкина пойдетъ въ *передланн*, петербургской актрисы г-жи Сибтковой, т. е., вѣроятно, тоже *дополненный и исправленный*, какъ это видно въ слѣдующаго сообщенія Русскаго Инвалида (№ 65): «На русской сценѣ ожидаются бенефисы г-жъ Владиміровой, Сибтковой и г. Алексѣева. Первая станитъ

ВЪ ГОСТИНИЦѢ МОСКВА К. БАРСОВА,

ВЪ ОБЩЕЙ ЗАДѢ,

въ Воскресенье, 17 Апрѣля, съ 7½ часовъ вечера,

БУДЕТЪ ИГРАТЬ ОРКЕСТРЪ МУЗЫКИ,

ПОДЪ УПРАВЛЕНИЕМЪ

Г. ГЕНЕ,

и пѣть въ антрактахъ хоръ Московскихъ цыганъ, подѣ управ-
леніемъ ГАВРИЛЫ ФЕДОРОВА.

ПРОГРАММА:

ОТДѢЛЕНИЕ 1-е:

БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ!

1. Defilir, маршъ, Страусса.
2. Увертюра «Цампа», Герольда.
3. Colonne, вальсъ, Страусса.
4. Roderich, полька, Фреде.

ОТДѢЛЕНИЕ 2-е:

5. Финаль изъ оп. «Маритана», Валака.
6. Орфей, кадрили, Страусса.
7. «Мечты», Люмби.
8. Tachtaube, полька-мазурка, Страусса.

ОТДѢЛЕНИЕ 3-е:

9. Увертюра «Марта», Флотова.
10. Abensterne, вальсъ, Ланнера.
11. Серенада, Гертеля.
12. Haute volée, полька, Баха.

ОТДѢЛЕНИЕ 4-е:

13. Попури «Десять певцовъ и ни одного жепика», Зуппе.
 14. Wundertöne, вальсъ, Витмана.
 15. Русский романсъ, Гене.
 16. Почтамтъ, галонъ, Гейндорфа.
- БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ!**

Программу піесъ можно требовать отъ служителей гостиницы.

Кушанья можно получать обѣдамъ, отъ 1 ч. до 7 ч. вечера: скромныя изъ 7 блюдъ и кофе р. 50 к., изъ 6 блюдъ и кофе 1 р.; порціями же по прейсъ-куранту. Чай, кофе, шоколадъ, вина отъ Дюпре, по карточкѣ, подѣ № №, по умѣренной цѣнѣ.

ВОДЪШОЙ ВЫВОРЪ

ВЪЕРОВЪ

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЪ ВЪ МАГАЗИНАХЪ

А. МАТЪЕ,

на Ильинкѣ и на Кузнецкомъ мосту.

3—157.

ПОДЛИЙ ВЪВВОРЪ
ЛУЧШИХЪ АНГЛІЙСКИХЪ И ФРАНЦУЗСКИХЪ
НЕСГАРАЕМЫХЪ ШКАФОВЪ,
ШКАТУЛОКЪ И СУНДУКОВЪ

ПОЛУЧЕНЪ ВЪ МАГАЗИНЪ

Я. Р. В И Л Л И А МЪ
(BAZAR DU VOYAGE),

въ домъ Рышетниковъ, на углу Петровки и Столешникова переулка.
 ПОСТОЯННЫЙ СЕЛАДЪ ВСЕХЪ СОРТОВЪ ОРУЖІЯ, ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ ДЛЯ ОХОТЫ, И
 ДОРОЖНЫХЪ ВЕЩЕЙ. 2—158.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ
МАГАЗИНЪ

Н. К. ДЕНГГОЛЬДА

переведенъ съ Ильинки на Кузнецкій мостъ, въ домъ Каразиныхъ,

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

КАРЛА ИВАНОВА

М Е Й К О В А,

БЫВШІЙ ГРЕССЕРА.

ВЪ ТРАКТИРЪ
ЕГОРОВА,

напротивъ Присутственныхъ мѣстъ,
 ежедневно играетъ оркестръ А. БЕКА и поетъ
 хоръ пѣвцовъ и пѣвиць К. ШУЛЬЦА, съ 8
 часовъ вечера. Предъ началомъ и въ заключе-
 ніе вечера исполненъ будетъ оркестромъ и
 хоромъ народный гимнъ:

ВОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ

0—143.

КАРТОЧКА

КОММИССАРОВА

Цѣна 40 к.

ВЪ ДЕЛО ИГРУШЕКЪ ГУБКИНА,

въ началѣ Газетнаго переулка, противъ Корещенко.

0--154.